

Глава 4: Забастовка

Он все еще находился в состоянии ярости и некоторой депрессии, но не был настолько ослеплен эмоциями, чтобы не обратить внимания на необычное поведение молодого человека. Курама мало что знал о человеческих потомках, но за бесчисленные годы своего заключения он многое повидал. И это было что-то новенькое. Он не знал, что изменилось или как все изменится, но решил внимательно следить за этим новорожденным. Он знал, что не может сделать ничего другого, кроме как принять участь скорби и ненависти, которую на него обрушивают проклятые люди. Ему придется оставаться взаперти еще много лет, поэтому чувствовал, что было бы здорово, если бы после всего этого времени произошло что-то новое. При последней мысли он просто покачал головой и приказал себе перестать мечтать. Прошло довольно много времени с тех пор, как он оставил надежду и принял желаемое за действительное. Теперь осталась только ненависть.

В следующий раз, когда Дикс проснулся, он чувствовал себя совершенно дерьмово. Вместо постоянной струйки энергии, исходящей из его желудка, он мог только чувствовать, как она превращается в темную пустоту, мало чем отличающуюся от Черной Дыры, которую бог держал в своих руках. Даже звуки выровнялись, так как он грохотал и потрескивал, как сильная гроза, которая вот-вот очистит мир от всего живого. Да, он был чертовски голоден.

Что должен сделать ребенок, чтобы получить здесь немного еды?! Я не могу сделать это сам! Его голова уже покраснела, но он рассеянно пропустил мимо ушей ключевую отличительную черту ребенка. Хотя и ему не потребовалось много времени, чтобы сломаться, все его инстинкты были там, чтобы заставить его плакать, но с несколько холодной и в основном зрелой головой он неохотно сдался.

Черт возьми, все еще черт возьми! Я не хотел этого делать, мне уже больше 30 лет, я не хочу выпрашивать еду! Но к черту все это, если это то, что нужно, тогда я выйду на протест! Я заставлю их выслушать меня! Я буду бороться за свои права! Прямо сейчас я собираюсь начать... голодовку! И с этой мыслью он просто перестал сдерживаться и пытаться бороться с природой. Он позволил дамбам треснуть и вскоре рухнуть. Пусть водопровод сделает свою работу.

Он заплакал так сильно, что даже небеса опечалились, и эхом отозвался истерическим гимном беспомощных. Или, по крайней мере, он так думал. Но на самом деле, потребовалось довольно много минут, чтобы кто-нибудь заметил его действия и пришел на помощь. Кто-то вошел в комнату, но Дикс не мог сказать, кто именно, так как совершенно забыл, что, возможно, сейчас сможет открыть глаза и что-то увидеть. Придя к этому осознанию, на секунду перестал плакать и продолжил жестко пытаться настроить свои чувства на приближение... Хотя и открыть глаза было намного легче, чем раньше, зрение все еще было размытым, но не так сильно, как после его перерождения. Он смог разглядеть очертания человека и то, что это, скорее всего, женщина, причем не молодая. Черты ее лица все еще трудно было хорошо разглядеть, но он был настроен оптимистично.

"О боже, разве у тебя не сильный голос, маленький мальчик? Интересно, как тихо ты вел себя всю ночь, я была готова к ночи напролет, как и должна была с каждым маленьким дьяволом, которого мне доверили раньше. Ну что ж, давайте посмотрим, ты, должно быть, голоден, не так ли? Так и должно быть, даже несмотря на то, что ты перестал плакать. Это тоже уникально. Я надеюсь, что с тобой все в порядке, это доставит массу хлопот нам обоим..."

В этот момент женщина подняла бутылку с чем-то и приложила к ее отверстию какую-то тряпку или что-то резиновое, а затем показала ее ребенку. Дикс должен был пососать что-то,

прикрепленное к бутылке, чтобы добраться до сладкого нектара внутри. Но он этого не знал, и естественные инстинкты младенца были немного заглушены его зрелым сознанием. Его наблюдатель был ошеломлен этим, но не отступил. Она попыталась насильно засунуть его в рот ребенку, так как в ее обязанности входило поддерживать ребенка, пока она не получит других распоряжений. Это потребовало немного усилий с обеих сторон, но вскоре Дикс пил, скорее всего, молоко животных из бутылки.

Это так... Это пытка, почему я должен страдать из-за этого? Являются ли это правами человека? Дети в наши дни ничего не стоят? Их счастье? Я только что родился, и вот я здесь, без родителей и семьи, о которых можно было бы говорить... Разве я не заслуживаю некоторого уважения?! Эти и подобные мысли пришли ему в голову, когда он продолжал пить с глубоко неудовлетворенным выражением лица.

"О, ты выглядишь расстроенным, не так ли, может быть, ты сам маленький дьяволенок, просто поздний цветок. Ха-ха, ты такой же очаровательный, как и остальные, это заставляет мое сердце таять." Ее лицо озарилось легкомысленной улыбкой, как у детей зимой, когда они сидят дома рядом с обогревателем, укрывшись одеялами, потягивая хорошую чашку чая и читая Библию.

"Кстати, меня зовут Эльма, давай привыкнем друг к другу, мы, вероятно, будем вместе довольно долго", - сказала она, вставая и уходя. Дикс наконец насытился, вся его единственная проблема с момента рождения была решена, поэтому он неторопливо лежал, пытаясь сопротивляться наступающей сонливости. Однако был небольшой намек на то, что что-то не так. Он попытался сосредоточиться на том, что именно произошло, что его расстроило, но ему потребовалось довольно много времени.

Срань господня, как я мог не заметить раньше?! Я едва понял несколько слов из того, что она сказала! Ради бога, она говорила по-японски... Нет, не так, скорее, черт возьми! Что мне теперь делать?! Я говорю только по-английски и немного по-японски, которые я собрал за годы просмотра аниме и прочего дерьма... Ахахахахаха С этой заключительной мыслью, он больше не мог сдерживаться. Плотины, которые только что были построены, вот-вот должны были снова быть разрушены. Он начал безудержно плакать, когда отчаяние полностью овладело его разумом. Он не остановился даже тогда, когда Эльма снова заглянула посмотреть, в чем дело. Он все еще плакал, когда его воспитательница подняла с удобной кровати и начала нежно укачивать на руках. Дикс почувствовал внезапное движение его тела, но ему было все равно. Он был слишком занят тем, что утопал в жалости к себе. Но то, что последовало за этим, он больше не мог игнорировать.

Эльма начала успокаивающим голосом напевать колыбельную. Ее голос был подобен реке, текущей по своему руслу. Успокаивающий, ритмичный, целеустремленный и сильный. Это было почти вдохновляюще. Дикс не мог отвернуться или закрыть уши, поэтому ему приходилось "страдать" от материнской привязанности, которой он подвергался. Вскоре его слезы иссякли, и он просто лежал в ее объятиях, наслаждаясь теплом. В основном все же он просто любовался сравнительно огромным лицом Эльмы, не задумываясь о серьезных проблемах, с которыми ему приходится сталкиваться. Он просто расслаблялся.

Через несколько минут в песне не хватило слов, чтобы спеть, поэтому Эльма положила ребенка обратно в колыбель, убедившись, что мальчик крепко спит. На этот раз она снова что-то принесла, это был небольшой сверток с одеждой. Предполагалось, что он будет действовать как подгузник, который она быстро надела на ребенка и бесшумно выскользнула из комнаты. У нее была куча работы и куча других детей, о которых нужно было заботиться, она не могла позволить себе остановиться.

<http://tl.rulate.ru/book/58858/1535270>